

81.2 Нем
и 21

МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

На правах рукописи

ИВАНОВА Татьяна Федоровна

УДК 803.0-55

СТРУКТУРНЫЕ СВОЙСТВА И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ПРОЛЕПСИСА
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.04 – германские языки

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Минск 1990

Диссертация выполнена на кафедре лексикологии и стилистики немецкого языка Минского государственного педагогического института иностранных языков.

Научный руководитель - кандидат филологических наук,
доцент Т.С.ГЛУШАК

Официальные оппоненты - доктор филологических наук,
профессор Е.Я.КУСЬКО
кандидат филологических наук,
доцент Р.А.ДОМБРОВСКАЯ

Ведущая организация - Латвийский университет

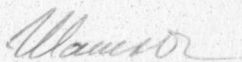
Защита состоится " 20 " ноября 1990 г.
в 14.00 часов на заседании регионального специализированного
совета К 056.06.01 по присуждению ученой степени кандидата фило-
логических наук в Минском государственном педагогическом инсти-
туте иностранных языков.

Адрес совета: 220034, г. Минск, ул. Захарова, 21.

Автореферат разослан " 12 " октября 1990 г.

С диссертацией можно ознакомиться в научном зале Минского
госпединститута иностранных языков.

Ученый секретарь
специализированного совета

С.А. Шалкова

В ряду средств и способов реализации языком коммуникативной функции свое специфическое место занимает пролепсис, составивший предмет исследования в данной диссертации. Его анализ производится на базе текстов, поскольку априорно признается, что осуществление любым языковым явлением потенциально заложенных в нем функций и коммуникативных заданий можно выявить лишь через прослеживание его роли "в порождении и развертывании текста" /Москальская, 1984/. В текстовых же объемах реализации вопрос функциональных свойств пролепсиса естественно связывается с аспектом языковой прагматики, что существенно важно для работы, так как одним из постулатов ее концепции служит положение, согласно которому "качество коммуникации зависит от реализации прагматического аспекта общения" /Кожина, 1979/. Явление пролепсиса, относясь к сфере экспрессивного синтаксиса, непосредственно способствует проявлению прагматического аспекта передаваемой информации. Под пролепсисом здесь понимается синтаксический комплекс с двучастной структурой, включающей препозитивную часть как собственно пролептический компонент и основную часть, т.е. само предложение с обязательным присутствием в нем заместителя (репрезентанта) пролептического компонента.

Хотя пролептический компонент выделен в самостоятельный сегмент высказывания, что внешне маркируется графическими средствами, он своей интонацией сигнализирует о незаконченности мысли, как бы оставляя "коммуникативную перспективу открытой" /Распопов, Ломов, 1984/. Это и служит указанием на тесную связь отграниченного в препозиции компонента, преимущественно существительного в именительном падеже, с основным предложением в постпозиции: "Имя стоит в этой позиции не само для себя, оно ... нацелено на что-то, что дано за пределами номинатива в потоке речи" /Адмони, 1972/. Препоз-

зитивная часть статусом предложения не обладает, а является в рамках всего высказывания "формой представления и названия", непосредственно не опирающейся "на грамматические образцы ... предложения" /Русская грамматика, 1980/. Реально полагать, что именно непредложенческий статус пролептического сегмента способствовал и способствует поддержанию его особой роли в формировании коммуникативной перспективы и общей экспрессивности высказывания. Пролептический именительный по существу и "возникает из желания выделить данное представление", но не просто само по себе, а чтобы тем самым усилить его вес и подчеркнуть "предстоящее соединение этого представления с другим" /Пешковский, 1956/. В приведенной формулировке подчеркивается чрезвычайно важное свойство характеризуемого явления: позиция и роль пролептического компонента теснейшим образом связаны с актуальным членением, так как благодаря им усиленно акцентируется не просто существительное в номинативе, а один из членов коммуникативного состава предложения-высказывания - его тема или исходная точка сообщения. Функции тематизации отвечает принцип устройства пролептически усложненного высказывательного комплекса: с одной стороны, изоляция подлинного носителя темы по отношению к предложению, с другой стороны, его присутствие в виде формального заместителя (репрезентанта) в субъектно-предикатной структуре предложения. Указанный принцип построения представляет собой сегментацию, и конструкции предложений с пролепсисом логично считать сегментированными, с явным присутствием и одновременной противопоставленностью двух сегментов - темы и повода /Балли, 1955; 1961/. Синтаксические образования сегментированного образца не ограничиваются только пролепсисом, а включают и высказывания с другими подобными явлениями - параллелью, антиципацией, парентезой, совокупно воплощая "систему экспрессив-

ных синтаксических конструкций /см. Сквородников, 1982/.

Таким образом, объект исследования в диссертации носит комплексный синтаксико-семантико-стилистический характер, а поэтому связан не с одним, а с несколькими аспектами парадигматики и синтагматики языка - структурным и коммуникативным синтаксисом, стилистикой, лингвистикой текста.

Актуальность диссертации предопределяется как раз тем, что означенное языковое явление, не становившееся ранее предметом специального углубленного анализа, а лишь фрагментарно характеризовавшееся в общих описаниях немецкого языка, исследуется комплексно, по критериям его формально-структурных, семантико-стилистических и прагмакоммуникативных свойств на базе положений современной лингвистической теории и в русле направления функционально-коммуникативного изучения языка.

Новизна диссертации проявляется в установлении парадигмы пролептических конструкций немецкого языка и проникновении через парадигматические особенности в те специфические стороны явления, от которых зависит его актуализация в различных смысловых контекстах.

Цель исследования с самого начала виделась в том, чтобы осуществить анализ сначала в сфере парадигматики, а затем вывести его на два уровня коммуникативной реализации пролепсиса - в границах высказываний и в диапазонах текстовых фрагментов.

Этим предопределились следующие конкретные задачи работы: установление парадигматических свойств пролептических конструкций; выявление по линии обобщения типизированных стилистических функций пролепсиса; раскрытие роли пролепсиса сквозь призму действия двух важнейших механизмов текстообразования - связности и рекуррентности; определение прагмакоммуни-

кативного потенциала пролептически усложненного высказывательного комплекса; обоснование взаимословленности формально-синтаксических и прагмакоммуникативных свойств пролепсиса.

Я з ы к о в о й м а т е р и а л для анализа составили тексты художественной прозы современных немецких писателей (Г.Канта, К.Вольф, Г.Е.ойна, З.Ленца, Й.Хаззера, Б.Ширмера, Г.Йобста, А.Зегерс, Г.Манна, Э.-М.Ремарка, Л.Фейхтвангера, Э.Штрिटматтера, Э.Кестнера, К.Тухольски). Анализ имел в качестве своей базы 1500 предложений-высказываний, включающих пролепсис, из общего объема выборки более чем в 160 000 цельных предложений.

М е т о д ы а н а л и з а созвучны целям и задачам исследования, причем отправным моментом служит индуктивно-эмпирический анализ, который призван обеспечить наблюдение, фиксацию и отбор языкового материала. В дальнейшем, на соответствующих этапах рассмотрения, используются структурно-синтаксический, стилистический анализ, интерпретация явления в соответствии с характером смысловых контекстов, процедуры более частного характера, такие, например, как выведение числовых параметров, их сопоставление и проч.

Т е о р е т и ч е с к а я з н а ч и м о с т ь исследования состоит в новом осмыслении одного из редко освещаемых явлений сферы экспрессивного синтаксиса немецкого языка, а также в осознании самого экспрессивного синтаксиса как ключевого аспекта функционально-коммуникативного плана языка. В этом же имплицитно заложена опора для разработки и другой новейшей области теории немецкого языка, которая получила название коммуникативной стилистики и которой активно занимается в последние годы целый ряд представителей зарубежной лингвистики, в том числе лингвисты ФРГ.

Практическое значение осуществленного исследования кроется в возможности применения его положений и выводов как для совершенствования теоретических курсов синтаксиса и стилистики немецкого языка по программе специального вузовского обучения, так и для внедрения в практические занятия по интерпретации художественного текста. Проблемные теоретические вопросы, поднятые в работе, помогут определению тем курсовых, дипломных и вообще научных работ студентов.

Апробация результатов работы производилась на протяжении ряда лет и вылилась в такие ее формы, как: а) доклады на конференциях по итогам научно-исследовательской работы Минского госпединститута иностранных языков за 1984, 1985, 1986, 1987, 1989 годы; б) сообщения по отдельным этапам и результатам исследования для дискуссии на заседаниях кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка (ноябрь 1986 г., октябрь 1987 г., ноябрь 1988 г., ноябрь 1989 г.; в) проведение семинарских занятий по стилистике с использованием части материалов работы в студенческих группах IV курса факультета немецкого языка МГПИИЯ во втором семестре 1988/1989 уч. года; г) публикация статей.

Данная диссертация выполнялась в соответствии с программой исследований по комплексной теме плана НИР МГПИИЯ на 1986-1990 гг. "Аспекты формирования функционально-коммуникативного статуса единиц и структур языка", № госрегистрации ОI.86.00I4 I55. Комплексная тема входит в "Пятилетний план важнейших научно-исследовательских работ в области естественных, технических и общественных наук по Белорусской ССР" на текущую пятилетку, утвержденный Постановлением Президиума АН БССР № 39 от 3.04.1986 г. (направление 4.20 - Закономерности функционирования и развития языков).

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

1. Явление пролепсиса отражает актуальную тенденцию в синтаксисе немецкого языка к формированию высказывательных комплексов, имеющих четкую структурно-содержательную расчлененность, которая опирается на механизм сегментации, а в смысловом отношении реализует сигнал прагмакоммуникативной установки, посылаемой отправителем информации реципиенту.

2. Парадигматизованные синтаксические и стилистические функции пролепсиса, очерчивая статус явления, не раскрывают его подлинной значимости, которая как бы "закодирована" в сфере коммуникативного синтаксиса - тема-рематической организации высказываний и текстовых фрагментов, отмеченной при наличии пролепсиса двойной актуализацией с целью особого выделения темы.

3. Наряду с особой ролью в тема-рематической организации, пролепсис реализуется и в других своих текстообразующих потенциях, таких как двусторонний способ проявления когезионной роли и эффективное участие в рекурренции как механизме обеспечения тематического единства текста.

4. Прагмакоммуникативный эффект пролепсиса изначально предсказывается тем, что он служит сигналом выдвижения контрастивных смысловых частей в структуре высказывания. "Сила" же выдвижения мотивируется степенью сегментации высказывания, выводя тем самым на доступный восприятию уровень взаимообусловленность формально-синтаксических и прагмакоммуникативных свойств пролепсиса.

С о д е р ж а н и е р а б о т ы . Прежде всего в работе внимание концентрируется на установлении структурно-синтаксического статуса пролепсиса, который должен вообрать в себя все основные черты его парадигматики. Этот первый этап анализа обеспечивает и понимание семантико-выразительных возможностей, а значит

коммуникативно-прагматического потенциала явления, в свете того положения, что "семантико-синтаксическое описание должно служить преддверием для описания прагматического" /Кифер, 1985/. В структурно-синтаксический статус включается "набор" свойств и признаков пролепсиса, которым охватывается все разнообразие его плана выражения. Под последним подразумеваются формы репрезентации как выделенного в препозитивный сегмент пролептического компонента, так и подхватывающего или замещающего его элемента в самом предложении. Априорно же признается, что их вариативность закономерно порождает различные реализационные формы в виде вариантов одной модели, которая есть "постоянная структура, связанная с ... обобщающим значением" /Азовцева, 1970/.

Формами репрезентации пролептического компонента оказываются единичные элементы различной частеречной принадлежности, конструкции с определенным морфолого-синтаксическим статусом, синтаксические структуры. По признаку части речи позицию компонента занимают существительное, прилагательное, местоимение, глагол (инфинитив или причастие), наречие, даже числительное; конструкцией, характерной для его репрезентации, служит перечисление (перечислительная конструкция), а в качестве структуры репрезентации выступает предложение в полном или усеченном виде. Этот набор средств, выведенный из материала анализа, существенно расширяет и конкретизирует то, что обычно писалось о языковом представлении пролепсиса, когда его в общем плане сводили к двум разновидностям — именной (субстантивной) и глагольной /см. Сосинская, 1983; Казыкина, 1984/. Внимание уделялось первой из них, так как считалось аксиомой, что позицию пролептического компонента в принципе должно заполнять существительное в форме, о которой свидетельствуют сами названия — "именительный представления", "именительный темы".

Для формально-синтаксического анализа первостепенную значимость приобретает именно то обстоятельство, что в основа функционирования пролепсиса находится мотив "представления". Соответственно и наиболее многочисленную группу заместителей пролептического компонента (репрезентантов) в основном предложении составляют местоимения, которые, по общему признанию, служат опосредованной референции, отсылая к имени в акте речи, т.е. указывая на денотативный статус именного слова /см. Падучева, 1982/. Среди местоименных репрезентантов максимальное число (более 73 %) приходится на долю указательных местоимений, и причину этого следует объяснять способностью дейктических слов соотноситься с любым референтом. Больше других данной способностью обладает местоимение "das" как носитель общего указательного значения и одновременно функции логической связки. Напротив, лишь сравнительно незначительное число репрезентантов выражается указательным местоимением "es", что, думается, зависит от ослабленности в нем дейксиса по отношению к "das" (или к "der"). Сравни: "Die Brücke über der Spree - das war die Grenze" (J.Hauser, Familie Rechlin);

"36 Jahre - bei einem anderen könnte es leicht zu spät sein. so dachte die große Dame" (H.Mann, Die Jugend des Königs).

Можно было бы полагать, что в роли репрезентантов пролептического существительного регулярно выступают личные местоимения, однако их доля по сравнению с указательными местоимениями, как свидетельствует материал, менее весома и, следовательно, не подтверждает распространенной в немецкой лингвистической литературе трактовки пролепсиса как вынесенного члена предложения, подхватываемого прежде всего личным местоимением, тогда как "... указательное местоимение лишь возможно" ("... ein Demonstrativpronomen ist möglich") /Fleischer/Michel, 1977/. Но даже и при употреб-

лении личных местоимений в качестве репрезентантов они уже не выступают как собственно личные, а больше ассоциируются с указательными. Например: "Die vielen Nächte zwischen den Grenzen, die grauenhafte Langweile des Daseins, sie versanken ohne Spur..." (Е.-М. Remarque, Die Nacht von Lissabon).

Характерны в роли репрезентантов пролептических сегментов местоименные наречия, точнее та часть их состава, которая обладает обобщенно-указательным значением (darauf, darin и др.):

"Habsucht, Eigenliebe, Mißtrauen, Neid - darauf kann man sich immer verlassen" (Chr. Jlf, Der geteilte Himmel).

Второй по количественной представленности формой выражения пролептического компонента является придаточное предложения /см. также Fleischer/Michel, 1977/, имеющее своего однословного репрезентанта в основном предложении. Например: "Daß mir manchmal schwer zumute sein würde, das hab' ich gewußt, wie ich da auf meinem Turm stand" (Chr. Wolf, Der geteilte Himmel).

В выборке содержится немало примеров с целой последовательностью однородных и неоднородных придаточных, расположенных в препозиции и связанных с одним дейктическим репрезентантом в главной части высказывания.

По количественному признаку регулярной формой замещения пролептического компонента должен быть признан инфинитив. В частности, исследователи русского языка уже отмечали сближенность в роли пролепсиса инфинитива и существительного в именительном падеже: "Некоторые инфинитивы и и. финитивные группы можно было бы трактовать аналогично с именительным представлением" /Петковский, 1956/. Данная аналогия актуальна и для немецкого языка, о чем свидетельствует материал работы. Например: "Ein wenig vorlesen - ein wenig Kopieren - ein wenig Sprechen - ein wenig Frohsein - das ist alles,

was ich von Ihnen verlange" (G.Brugn, Das Leben des Jean Paul).

Аналогия здесь особенно убедительна в силу того, что в одном ряду пролептических компонентов размещаются и субстантивированные инфинитивы и глагольный инфинитив, уравниваемые самой позицией и формой по их назначению в высказывании. Вводя предмет речи (мысли, повествования), инфинитив обязательно предполагает почти во всех случаях свой узкий контекст, обуславливаемый глагольным управлением — главным образом присутствие дополнений в винительном или дательном падежах, с предлогом или без него, нередко обстоятельство: "Steine hochwerfen und dann ihrem Fall zusehen, das können auch Affen, aber zur Berechnung des Phänomens bedarf es des Menschen" (H.Kant, Die Aula);

"Nach Granitz geschickt zu werden, das ist wie eine große Belohnung" (A.Seghers, Das Vertrauen).

Инфинитивно-пролептические конструкции способны приобретать усеченную форму за счет того, что контекст делает возможным элиминирование инфинитива.

В пролептической позиции характерна конструкция перечисления, и в таком способе заполнения позиции правомерно усматривать особый стилистический прием, становящийся амплификацией в тех случаях, когда роль подхватывающего члена принимает на себя обобщающее слово, в первую очередь предельно широкое по семантике "alles", способное одновременно обобщать и объединять. Например: "Der Dalai-Lama, die Ordnung der Klöster, der abgezirkelte Lebensweg, die vielfältigen Möglichkeiten zur Besinnung, alles importierte ihm" (J.Hauser, Familie Rechlin).

Нельзя не отметить своеобразие места наречия "so" среди презентантов пролепсиса, заключающееся в том, что, наряду с функцией указания и выделения, "so" всегда причает выделяемому скрытый

оттенок качественной характеристики. Имеется в виду, что элемент "so" увеличивает информативную значимость, не изменяя денотативного содержания пролептического сегмента. Например: "Auch Egoismus also, so könnte man das nennen" (G. Bruyn, Buridans Esel).

Перечисленные и другие виды и признаки форм пролептического компонента и его репрезентантов позволяют отметить их гетероформность, а для репрезентантов — еще и общую способность выступать в качестве референциального знака с дейктической семантикой. Разнородность же (гетероформность) репрезентантов лишь служит подтверждением того, что "указательность (дейктичность) может передаваться самыми различными частями речи" /Будагов, 1985/.

С функционально-синтаксической точки зрения пролептический компонент (по его соотносительности с репрезентантом) может идентифицироваться как подлежащее, дополнение, обстоятельство, именная часть сказуемого. Тем самым правомерно согласиться с утверждением, согласно которому препозитивно "обособленным может стать любой член предложения, выделенный в грамматических (синтаксических) или коммуникативных целях в самостоятельную синтагму" /Литвиненко, 1984/. Однако самым высоким процентным показателем отмечена для пролептического компонента функция подлежащего, что соответствует, в частности, определению В.Г. Адмони: "Именительный представления является формой обособленного подлежащего" /Адмони, 1955/. Это существенно, так как в основном подлежащее ассоциируется в сознании с главным способом выражения темы /Катезиус, 1967/.

Функцию подлежащего особенно представляют даже инфинитив, почему он и был назван в свое время "глагольным ностинативом" /Серба, 1958/. Он замещается в опорном предложении субстантивированным местоимением "das", и эта связка достаточно однозначно выражает тему сообщения. Например: "Stillhocken und lesen und me-

titieren über Welt und Leben und über die eigene Seele, das
genügte nicht" (L.Feuchtwang, Narrenweisheit).

Правда, аналогичное присутствие связки может быть отмечено и для многих других форм репрезентации пролепсиса-подлежащего. Например: "Zurück - das war alles zusammen: Stadt, Nazis, Familie" (A.Seghers, Die Entscheidung);

"Rot oder grün, das ist oder war hier die Frage" (G.Bruyn, Buridans Esel).

Характерной синтаксической ролью пролептического компонента можно считать и функцию дополнения, большей частью прямого дополнения, которая реализуется обычно в полном соответствии с тем, что в синтаксической структуре основного предложения действует принцип сильного беспредложного управления глагола-сказуемого. Возможность такого обособления прямого дополнения была названа, по аналогии с "именительным предствления", "винительным предствления" /Денисова, 1967/, например: "Den Kerl, den kenn' ich nich...." (H.Kan, Das Impressum);

"Den Witz, ... den hörte er heute zum zwölftenmal" (H.Kant, Die Aula).

Существует также трактовка употребления пролептического дополнения как формы независимого номинатива, служащей более значимому коммуникативному выделению объекта. на "законный" формальный статус которого указывает в структуре предложения репрезентант, например: "Aber dieser schräge lick, den hatte er sich nicht eingebildet" (L.Feuchtwanger, Goya).

В приведенных и ряде других подобных случаев получает отражение формальный диссонанс между пролептическим компонентом в именительном падеже и его заместителем внутри основной части предложения в винительном (или дательном) падеже. В этой связи умест-

но высказать предположение, что употребление в падеже, обусловленном управлением предикатного глагола, было бы для пролептического компонента со структурно-синтаксической точки зрения формальным дублированием, поскольку в основной части это управление выражено формой репрезентанта, тогда как формально-диссонансная постановка компонента в номинативе создает усиление коммуникативной функции представления.

Обращают на себя внимание случаи пролептического обособления именной части сказуемого-предикатива, например: "Genial - das bin ich, aber die Hände sind Ihre" (H. Mann, Empfang bei der Welt).

Это употребление встречается относительно редко, что возможно объяснить, думается, законом связи структурного и коммуникативного синтаксиса, по которому предикативу менее всего должна быть свойственна функция темы высказывания. Его выносом в препозицию преднамеренно создается эмоциональное напряжение, воспринимаемое как раз сквозь призму явного нарушения фиксированной для немецкого языка позиции сказуемого в структуре предложения.

Главным выводом из первого этапа анализа может быть то, что наличие пролептического компонента и обусловливаемая им постановка акцентов делают соответствующий тип предложения уже в парадигматическом плане синтаксически выразительной структурой. Значит, в парадигматику явления включен, кроме структурно-синтаксического, и стилистический план, на основании чего оно правомерно может быть отнесено к конструкциям экспрессивного синтаксиса, обладающим системным характером функционирования в речи /см. Сковородников, 1982/. Нормативная экспрессивность конструкций основывается на ряде присущих им типовых функций - выделения, уточнения, характеристики, обобщения, эмоционализации.

Второй этап диссертационного анализа посвящается исследова-

нию взаимодействия пролептического компонента и его заместителя в структуре реализуемого предложения-высказывания, т.е. фактически того фактора, которым определяется степень сегментации всего высказывательного комплекса. Сегментация нацелена на обеспечение особой актуализации элемента, в данном случае тематического (или реже — рематического), путем изменения его положения в структуре высказывания. Материал показывает, что когда репрезентантом замещается не один, а ряд синтаксически равноценных членов, т.е. когда он подхватывает объемный, многокомпонентный пролеписис, степень сегментации в структуре заметно повышается, например: "Diese frivolen Gecken von Versailles, diese Königin mit ihrem koketten Trianon, dieser verlogene Hof mit den schalen Parfüms der abgelebten großen Jahrhunderte, das ist doch kein Leben" (L. Feuchtwanger, Narrenweisheit).

Здесь объем пролептического компонента весьма значителен: его формой представления служит перечислительный ряд субстантивных групп, а репрезентантом в основной части высказывания выступает местоимение "das", однозначное со всем перечислительным рядом. Большой объем пролеписиса как единого коммуникативного сегмента не может не создавать в устном произнесении значительной паузы между этим сегментом и основной структурой предложения в синтаксическом комплексе высказывания.

Внимательное взвешивание примеров из картотеки материала дает основания сформулировать далее тезис о том, что созданию степени сегментации немало способствуют признаки репрезентанта, в частности его форма и местоположение в основном предложении. Наиболее низкой степени сегментации отмечены структуры, в которых репрезентант непосредственно следует за замещаемым словом и соответствует ему по форме, т.е. "однонаправлен" с ним позиционно

и адекватен ему формально, например: "Den Fedor Gabelbach, den würde ich nicht in hundert Jahren fragen, wieso er nicht in der Partei ist" (H.Kant, Das Impressum).

Степень сегментации значительно увеличивается в случае выделения слова из предыдущего контекста и превращения его в пролептический компонент последующего сообщения, а еще больше — когда обособленный компонент и подхватывающий его репрезентант не совпадают по форме. Особенно наглядно это выступает, на что уже указывалось, при выражении пролептического компонента существительным в именительном падеже, а репрезентанта-местоимения — падежной формой, предопределяемой управлением глагола-сказуемого. Например: "Gedankenfreiheit, an ihr liegt alles..." (H.Mann, Die Jugend des Königs);

"... der Schluck, dem gebe ich eine Eins, wenn der so weiter macht" (H.Kant, Die Aula);

"Idealismus — wer sehnte sich nicht manchmal danach?" (Chr.Wolf, Nachdenken über Christa T.).

Из всех примеров однозначно вытекает, что за счет формального диссонанса увеличивается степень сегментации, а значит становится коммуникативно более весомой выделенность элемента в связи с возрастанием экспрессивности высказывания. Несовпадение отмечено еще и той особенностью, что для репрезентирующего слова одновременно действенна двойная зависимость: с пролептическим компонентом согласуются его формы числа и рола, а от глагола-сказуемого зависит падежная форма.

Особо следует оговорить фактор дистантности в повышении степени сегментации. В современных работах о дистантности говорится как о разединении синтаксически и семантически связанных элемен-

тов, т.е. в рассматриваемом случае, - разъединении сегмента и подхватывающего его слова /Сафронова, 1975/. Контактность же при пролеписе проявляется как непосредственное примыкание репрезентанта к выделенному в препозицию элементу высказывания. Нарушение непосредственной контактности осуществляется, по показаниям материала, за счет уточняюще-определятельных слов или групп слов, придаточных предложений, сравнительных оборотов, вводных конструкций, обращений и др. Но особенно высокая степень сегментации создается нарушением тематического членения в основном высказывании. когда, например, репрезентант, являющийся формальным подлежащим, не занимает в качестве такового первое место и внешне как бы не соотносится с темой высказывания, данной в пролептическом сегменте. Вместо тематической, у элемента появляется рематическая зависимость, а это фактически подтверждает вывод о роли дистантности, т.е. о том, что "чем более удален член предложения ... от своего основного положения, тем сильнее он выделяется" /Schreinert, 1965/.

Итак, по завершении второго этапа анализа правомерно констатировать, что повышению степени сегментации внутри пролептически усложненного высказывательного комплекса способствуют такие факторы, как диссонансное употребление форм выражения пролеписа и его репрезентанта; расширение объема пролептического сегмента; дистантное расположение репрезентанта по отношению к пролептическому компоненту.

Третьим этапом диссертационного анализа преследуется цель экстраполировать уже установленные свойства и особенности пролеписа на фон текстообразования, чтобы вскрыть и обосновать его потенциал в аспекте действия некоторых обязательных механизмов формирования структуры и смысла текста. Иначе говоря, решается зада-

ча постижения функционально-коммуникативного статуса пролепсиса как явления, что уже доказано на предыдущих этапах, системно кодифицированного в сфере экспрессивного синтаксиса.

Структура текста складывается прежде всего на основе глобального действия механизма связности, продуцирующего количественное и качественное многообразие линий связи — когезий различной протяженности, от сквозных до пространственно ограниченных рамками микротекста, высказывания, отдельного сегмента и т.д. В их воплощении участвуют практически все языковые средства, хотя удельный вес этого участия в разных случаях неодинаков, как неодинаков и внутренний потенциал самих средств в реализации функции связывания текста. Иногда в лингвистической литературе связность уравнивают с сутью текста, хотя в ней скорее и, думается, правильнее усматривать не суть, а "одно из важнейших свойств текста", обеспечивающих выполнение им "регулятивной, системной и в конечном итоге социальной функции" /Сидоров, 1987/. Внутритекстовая связность манифестируется не только открыто, через формально-грамматические, лексические, композиционные экспликативы, но и проявляется скрыто, не получая эксплицитного выражения, хотя и становясь нередко той доминантой, которая "позволяет воспринимать текст как целостное образование" /Новиков, 1983/. Последнее присуще в наибольшей степени художественному тексту, о чем многократно писалось в лингвистической литературе.

Рассмотрение пролепсиса в аспекте формирования связности текста логично начать с того, что пролептический компонент сам по себе ориентирован на "прочерчивание" правосторонней линии связи, иначе говоря, характеризуется проспективной направленностью в информационном потоке. Учитывая же, что проспекция есть в принципе направление реализации коммуникативной интенции текста, допустимо угадывать в пролептическом компоненте и более широкое свойство

нацеленности. на что-то за пределами включающего его высказывания. Вместе с тем есть основания судить о том, что когезионные свойства пролепсиса не только не ограничиваются его правосторонней связью, но с точки зрения текста и не характеризуются ею в первую очередь. Ведь в противном случае, по закону композиции, пролепсис должен был бы употребляться почти исключительно в позициях зачина, наилучшим способом приспособленного для ввода в реализацию и развертывания коммуникативной интенции вправо. Материал обнаруживает, что в зачине пролепсис встречается не столь часто, как казалось бы, и что связь прочтительских сегментов с предшествующим контекстом оказывается почти одинаково важной в сравнении с проспективной связью, а четко сигнализировать ее способны различные конъюнкционные средства, например: "Frau Enders sagte: "Er hat dich gar nicht selbst niedergeschlagen, das war ein anderer, dem warst du zu fremd, es hat auch gar nicht Janasch selbst auf der Ella getrampelt. Die das taten, denen war Ella fremd" (A.Seghers, Das Vertrauen).

Обычно на линии связи с предшествующим контекстом пролептически осложненные предложения-высказывания призваны воплощать, и это подтверждает приведенный пример, пояснительно-следственные отношения, а с формальной точки зрения их выражение может носить, согласно материалу анализа, также имплицитный характер.

Хотя репрезентант пролептического компонента выполняет функцию реализатора ретроспективной связи, через пролептический сегмент эта линия подхватывается и развивается последующими текстовыми элементами по направлению "вперед", пронизывая весь микротекст. Во множестве случаев репрезентант с анафорически направленной дейктической функцией приобретает в каждой последующей части высказывательного комплекса поддержку через лексический посттор, который вообще признается важнейшим средством реализации внутритекстуальных связей. Например: "Ja, Arbeit in einem abge-

legenen Kreis, das wäre eine Aufgabe! Das war nicht nur Arbeit mit Literatur, das war vor allem Arbeit mit Menschen" (G. Bruyn, Buridans Esel).

С повторяемостью элементов в формирующейс структуре текста уже непосредственно связано действие другого важного механизма текстообразования - рекурренции. Он не менее регулярно вовлекает пролепис в сферу своего действия, причем особенность участия последнего заключается в том, что рекуррентными могут становиться не только репрезентанты, что показано выше, но и сами пролептические компоненты. Например: "Hatte der Meister nicht Memoiren geschrieben? Und hatte nicht Therese gesagt: "Das Geschriebe ist für die Späteren." Das Geschriebe, das waren offenbar die Memoiren!" (L. Feuchtwanger, Narrenweisheit);

"...Die Jugend!" rief er aus ... "die Jugend", das waren nicht die verräterischen Gesichter..." (H. Mann, Die Jugend des Königs).

Повторяющееся звено информации распространяется и на более обширное текстовое пространство, прочерчивая линию связи через несколько абзацев, страниц или других текстовых объемов по принципу дистантности.

Из общего наблюдения над текстово-реализационными свойствами пролеписа правомерно может быть выведено заключение о безусловном взаимодействии в его рамках механизмов связности и рекурренции, что отвечает, между прочим, основополагающему положению лингвистики текста с том, что повторение - это не только необходимое условие существования текста, но и одно из главных условий, при котором осуществляется его связность, глобальное условие связности /см. Harweg R./.

В аспекте смысла текста роль пролеписа нагляднее всего проявляется в тема-рематическом развитии. Об этом уже говорилось, как и о том, что в тема-рематической организации текстового со-

держания пролеписис выступает не только на службе тематизации, хотя эта функция у него доминирует, но и в функции выделения ре-
мы, когда необходимо акцентировать ее связь с каким-либо элемен-
том в предшествующем контексте, например: "Mürrisch, trübselig,
manchmal schlau, so waren die Leute um ihn herum gewesen"
(A.Seghers, Das Vertrauen).

Данное высказывание, как и вообще высказывания с "левой" ре-
мой, продолжает описание, намеченное в предтексте, а в итоге до-
стигается более усиленное, чем при обычном порядке слов, т.е. без
использования стилистической инверсии, выявление нового, вместе
с привлечением внимания реципиента к этому новому, что уже окра-
шивается прагмакоммуникативным нюансом. Для всех случаев интен-
ционально задаваемого выделения особенно оправдано обозначение
термином "выдвижения" /Арнольд, 1981/, под которым понимаются
такие способы организации языкового материала, которые фокусируют
внимание адресата на определенных элементах сообщения. Анализ же
текстовых фрагментов позволяет высказать еще одно суждение: реа-
лизация пролеписисом функции выдвижения в русле тема-рематического
развития связана с присутствием в высказывательном комплексе про-
тивопоставленности понятий. Пролеписис, о чем ранее говорилось,
служит удобным, внешне легко опознаваемым сигналом реализации
контрастивной смысловой структуры, и в этом, пожалуй, проявляется
его глобальная коммуникативная значимость.

Что же касается прагмакоммуникативного эффекта функциониро-
вания пролеписиса, то сила этого эффекта во многом предопределяет-
ся теми факторами, о которых уже шла речь и которые стимулируют
повышение степени сегментации пролептического усложненного высказы-
вания, а также включение в контексты реализации пролеписиса стили-
стических средств и приемов построения с особым зарядом вырази-
тельности и экспрессии.

Основные результаты проведенного исследования допускают суммирование в виде следующих общих выводов:

1. "Рациональное зерно" самого существования в языке пролепсиса состоит в его роли особого приема построения высказывания с изначально заложенным в использовании данного приема коммуникативно-смысловым (а значит и прагмакоммуникативным) результатом.

2. В основе построения пролептически усложненного высказывания находится принцип сегментации, позволяющий максимально выпукло доносить до реципиента контрастивность отношения двух смысловых частей коммуникативной структуры высказывания — темы и ремы.

3. Эффект подобного выражения смысловых отношений возрастает в прямой связи с повышением степени сегментации высказывательного комплекса.

4. Хотя пролепсис в принципе выполняет функцию особой (двойной) актуализации темы, он способен выполнять и функцию актуализации ремы, сопрягаясь в этом случае с приемом стилистической инверсии в построении высказывания.

5. На уровне текстообразования пролепсису принадлежит существенно значимая роль, обусловливаемая его постоянным участием в обеспечении действенности механизмов связности, рекурренции и актуального членения на главных и второстепенных линиях формирования структуры и смысла текста.

Диссертация открывает определенные перспективы для продолжения поиска в целом ряде звеньев поднятой проблематики. Так, заслуживают дальнейшего изучения проблема сегментации и типов сегментированных высказываний (сопоставительно), функционально-стилистический аспект пролепсиса, проблема рематизации и ее связи с прагмакоммуникативной сутью пролептически усложненных высказываний. Думается, что рематизация в ракурсе экспрессивного

синтаксиса может стать предметом рассмотрения даже не в одной, а в ряде диссертационных работ, в частности по той причине, что ей практически не уделено достаточного внимания в специальной литературе.

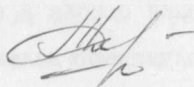
Наиболее значимые положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Ограничение пролепсиса от смежных синтаксических конструкций в немецком языке // Лексическая и грамматическая семантика. - Минск, 1985.- С. 89-96.

2. О конструкциях, предваряющих предложение-высказывание // Проблемы функционально-коммуникативного изучения языка /Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз.- Минск, 1986.- Деп. в ИНИОН АН СССР 14.04.1986 г., № 24836.

3. Формы репрезентации пролепсиса в современном немецком языке // Функционирование языковых единиц в речевой коммуникации /Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз.- Минск, 1989.- Деп. в ИНИОН АН СССР 19.12 1989 г., № 40492.

4. Синтаксическая природа и семантико-стилистическое назначение пролепсиса // Семантические аспекты синтаксиса /АН СССР, Ин-т языкознания, Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз.- М., 1989.- С. 72-80. (Совместно с Т.С.Глушак)

Подписано к печати 3.10.90г. Формат 60x84 1/16

Заказ № 308 Тираж 100 экз. Объем 1,0 п.л.

Отпечатано на ротапринте ГПИ "Минскпроект"

220050, г.Минск, ул.Берсона, 3.